

Устроился удобно, но родина тянет к себе, как магнит. Есть такая болезнь — тоска по родине, она имеет даже латинское наименование. Здесь можно заболеть этой болезнью. Все ненашенское, и вдруг самые настоящие нашенские березки. Как думаешь, вы, бедные, попали сюда?

Кажется, у Тургенева есть место, где описывается, как русские за границей обнимают березки и плачут. Ей — ей, правдиво, я теперь понял это.

О немцах можно написать то, что они держатся с нами вежливо, очень предупредительны, стараются угодать. Посмотрю я на них, посмотрю и думаю: какая же вы, к черту, «раса господ», если рыба душа у вас? Фашизм их испортил вконец. Если берлинцы в 1806 г. бежали за Наполеоном и, не сумев достать до его руки, почтительно целовали его кобылу, на которой он ехал, то еще большей рабской почтительности можно ожидать от теперешних фрицев. Но мы ясно видим, что на многих лицах почтительность — это маска. Они прикрывают ею свою звериную сущность.

Иногда бывают комичные разговоры:

Когда мы стояли в деревне, хозяйка этого дома, где располагались мои солдаты, стала мне жаловаться на свою бедность. Муж ее, как говорит она, был во Франции, сейчас находится в американском плену, будто бы. Она мне похвасталась наивно, что он прислал ей шелковое платье очень красивое из Парижа, но теперь же все пропало. Я не выдержал и перевел ей русскую поговорку: «Краденое счастья не приносит». Ей это очень не понравилось.

Эта же самая дама стала хвастаться, какие красивые солдаты были в Германии, как было приятно на них смотреть и т.п. Меня очень прорвало, и я сказал ей, что немецкие солдаты были «хороши», когда воевали с маленькой Югославией, когда предатели положили Францию к их ногам, а теперь... шли этих «красавцев» удобрять поля России.

Немцы все — таки хватили горячего через край. Мне кажется, что если через 50 лет, а может быть и более, появится какой — нибудь новый «фюрер» в неметчине и скажет: «Я хочу воевать», то немки завоюют на весь мир. Страху они натерпелись. Война пришла к самому горлу, даже в дом этих «завоевателей мира». Я носил исправлять часы немецкому мастеру. Его жена показала мне фото: их дом с мастерской в Асхене. Немцы очень аккуратны. У нее есть снимки

дома и мастерской до войны и после того, как на эти здания упали английские и американские... Я похвалил эти фотографии, но она не поняла моей иронии.

Ну, я расписался. Тебе, наверное, даже надоело читать. Дело в том, что сейчас уже 5 часов утра, но мне не спится и «рука тянется к перу, а перо к бумаге», как писал «солнышко Пушкин».

Надеюсь, что месяца через два — два с половиной мы увидимся и поговорим. Крепко целую тебя и детей.

Да, Сева меня насмешил. Элина пишет мне, что он сказал ей: «Мать, сегодня про меня говорили по радио». Элина поинтересовалась, что именно говорили. Он ответил: «по веселому Сева», окзалось, говорили: «по весеннему севу». Милые мои карапузы, сколько радости приносят они своим серьезным комизмом. Желаю тебе всего наилучшего. 25/VIII 45 г. Миша.

О чем поведала реликвия грозной поры

Привет тебе, военная газета!

Привет и всем твоим сынам!

Ты — яркий луч желанного рассвета,

Ты — светлый луч, дающий силу нам

Однажды в поисках санок, которые прошлой зимой спрятали на чердак мои родители, я наткнулся на лист старой газеты. Подумав, что это ненужный хлам, я уже собирался выбросить ее, но вдруг мой взгляд остановился на дате выпуска этой газеты. Боже мой! Две — надцатое марта тысяча девятьсот сорок четвертого года! Разгар войны! И я собирался выбросить «Курскую правду» почти шестидесяти — летней давности?!

Аккуратно свернув ее, я спустился вниз. «Как эта газета оказалась у нас на чердаке?» — этот вопрос не давал мне покоя. Я приставал с расспросами к бабушке и дедушке, но они, заинтересовавшись моей находкой, не смогли ответить ничего определенного.

Я сел за стол, аккуратно развернул пожелтевший от времени лист и стал читать. Газета местами была чем — то залита, кое — где порвалась, на месте сгиба от времени стерлась, но в общем сохранилась хорошо.